

Егорова Т.В.,

к. ф. н. профессор Алматинского филиала
Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов,
Казахстан, г. Алматы, e-mail: 2009.egor@mail.ru

ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ КАК ЛИНГВОТОКСИЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена описанию процесса вульгаризации современной русской речи, при котором в русской общественно значимой практике создается новое соотношение приличного и неприличного, вежливого и хамского, нормированного и ненормированного. Вульгаризация характеризуется как процесс внедрения в литературный язык нелитературных и стилистически сниженных языковых единиц, который противоречит этико-речевым нормам цивилизованного речевого общения. Активность данного процесса демонстрируется на примерах частотного употребления ненормативной лексики, жаргонизмов, вульгаризмов и просторечных элементов в текстах СМИ, политических выступлениях, беллетристике, художественных произведениях. Доказывается, что регулярное тиражирование подобных слов и выражений, толерантное отношение к обценной лексике известными деятелями искусства и культуры делает ее привычной адресату и способствует закреплению в повседневном общении. На основе анализа разнообразных речевых ситуаций утверждается, что вульгаризация стала одним из лингвотоксичных явлений современного социолингвистического дискурса, появилось новое речевое пространство с большим количеством деструктивных элементов, которые разрушают привычные стереотипы вежливого речевого общения и приводят к созданию агрессивной картины мира в сознании носителей русского языка.

Ключевые слова: вульгаризация, демократизация, жаргонизация, лингвотоксины, обценная лексика, речевая агрессия, субстандартная лексика.

Egorova T.V.,

Candidate of Philological Sciences, Professor of Almaty branch
of St. Petersburg Humanitarian University of Social Sciences,
Kazakhstan, Almaty, e-mail: 2009.egor@mail.ru

Vulgarization as a lingvo-toxic phenomenon of modern Russian speech

The article is devoted to the description of the process of the vulgarization of modern Russian speech, when in the Russian socially significant practice a new ratio of decent and indecent, polite and boorish, rationed and unnormalized is created. Vulgarization is characterized as the process of introducing non-literary and stylistically reduced language units into the literary language, which contradicts the ethical-speech norms of civilized speech communication. The activity of this process is demonstrated by examples of frequency use of profanity, slang, vulgarism and colloquial elements in the texts of the media, political speeches, fiction and artistic works. It is proved that regular replication of such words and expressions, tolerant attitude to obscene vocabulary by famous artists and culture makes it familiar to the addressee and contributes to consolidation in everyday communication. Based on the analysis of various speech situations, it is argued that the vulgarization has become one of the linguistic toxic phenomena of modern sociolinguistic discourse, a new speech space has appeared with a large number of destructive elements that destroy the usual stereotypes of polite speech communication and lead to the creation of an aggressive picture of the world in the minds of Russian speakers.

Key words: vulgarization, democratization, jargonization, linguistic toxicity, obscene vocabulary, speech aggression, substandard vocabulary.

Егорова Т.В.,

Санкт-Петербург Гуманитарлық кәсіподақтар университетінің профессоры, ф. ф. к.,
Алматыдағы филиалы,
Қазақстан, Алматы қ., e-mail: 2009.egor@mail.ru

Вульгаризация қазіргі орыс тіліндегі лингвоуытты құбылыс ретінде

Мақала орыс қоғамдық маңызды тәжірибеде әдепті және әдепсіз, сыпайы және дөрекі, қалыпты және қалыпсыз сөйлеудің этикалық сөйлеу стандарттарының заманға сай сөйлеудің жаңа арақатынасындағы орыс тілінің бүліну сипатына арналған. Вульгаризация сөйлеу қарым-қатынасының сөйлеу әдебі өлшемдеріне қарама-қайшы келетін әдеби емес және стилистикалық түрде төмендетілген тіл бірліктерін әдеби тілге енгізу сипатталады. Бұл процестің белсенділігі қалыпқа сай емес лексикалық, жаргондардың, бүлінген сөздердің және қарапайым сөйлеу элементтерінің БАҚ-та, саяси сөз жарыс әдебиеттермен көркемдік жұмыстарда қолданылатын мысалдармен дәлелденді. Мұндай сипаттағы сөздер мен сөз тіркестерінің жиі жариялау, мәдениет пен өнер қайраткерлерінің әдепсіз лексикасына толерантты қатынасын көрсететін күнделікті өмірде үйреншікті етеді. Әр түрлі сөйлеу жағдайларын сараптау негізінде, вульгаризация заманауи әлеуметтік лингвистикалық дискурстардың лингвоуытты құбылыстарының бірі болды, орыс тілін қолданушылардың санасындағы әлемдік агрессивті бейнесін жасауға әкеліп, сыпайы сөйлеу қарым-қатынасының әдеттегі стереотиптерін бұзатын көптеген деструктивті элементтері бар жаңа сөйлеу кеңістігі пайда болғанын көреміз.

Түйін сөздер: вульгаризация, демократияландыру, жаргондану, лингвоуытты құбылыс, әдепсіз лексика, сөйлеу агрессиясы, стандартты емес сөздік.

Введение

Современное состояние русской речевой культуры определяется рядом взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов как экстралингвистического, так и лингвистического характера. Изменение государственного устройства, политической системы, экономических векторов, идеологических приоритетов не могли не повлечь за собой значительные изменения в русской речи. Такие процессы современного общества, как культурная и языковая интеграция, свобода самовыражения, отказ от цензуры, смешение сфер общения, изменение нравственных приоритетов привели к созданию нового типа коммуникации и речевых отношений между членами единого языкового коллектива, изучение которых представляется чрезвычайно актуальным в настоящее время.

К числу динамичных процессов, протекающих в русском языке новейшего периода активно и разнонаправленно, следует отнести вульгаризацию русской речи. Первые научные исследования, посвященные этому процессу, появились в конце XX столетия. В обсуждении состояния и перспектив развития русского языка того времени приняли участие известные российские учёные: В.Г. Гак, В.Е. Гольдин, Е.А. Земская,

Ю.Н. Караулов, М.Н. Кожина, В.В. Колесов, В.Н. Телия, О.Н. Трубачев, М.И. Черемисина, Е.Н. Ширяев и др. (Zemskaya, 2000). Результаты этих дискуссий точно охарактеризованы Г.Н. Скляревской: «Мы имеем уникальную возможность наблюдать и исследовать язык в пору его стремительных и, как кажется, катастрофических изменений: все естественные процессы в нем ускорены и рассогласованы, обнаруживаются скрытые механизмы, действие языковых моделей обнажено, в массовом языковом сознании наблюдаемые языковые процессы и факты оцениваются как разрушительные и губительные для языка. Такая динамика и такое напряжение всех языковых процессов производят впечатление языкового хаоса, хотя в действительности дают драгоценный и редкий материал для лингвистических открытий» (Sklyarevskaya, 1996: 463).

В начале XXI столетия, когда лингвисты стали писать о стабилизации и завершенности некоторых хаотичных и «губительных» процессов в речи и системе языка, о традиционных нормативных подходах, вопрос об огрублении, жаргонизации русской речи продолжал находиться в центре внимания ученых и общественности. «К началу XXI столетия, – пишет та же Г.Н. Скляревская, – можно говорить если не о заметной стабилизации лексической системы

русского языка, то, во всяком случае, об обретении ею равновесия: сейчас мы наблюдаем уже не столь бурные и вихреобразные языковые явления, которые происходили в 90-х годах минувшего века, а скорее интенсивное развитие двух разнонаправленных процессов: «о научивание» языка, проявляющееся в освоении общим языком терминологии и потоков иностранных заимствований, с одной стороны, и встречное движение жаргонизации языка – с другой» (Sklyarevskaya, 2001:198).

На наш взгляд, говорить о какой-либо стабилизации и завершенности процесса в ульгаризации русской речи сегодня не представляется возможным, так как этот процесс, наметившийся в конце XX столетия, в настоящее время не только развивается стремительно, но и обостряется, закрепляется в языке, противореча прогнозам многих ученых. Как показывает анализ научной литературы, существуют две противоположные точки зрения на характер данного явления. Одна из них базируется на представлении о том, что многочисленные проявления огрубления, вульгаризации, жаргонизации в современной языковой культуре свидетельствуют о кризисе, деформации национальной культуры и размывании самосознания русского человека (Skovorodnikov, 2017). Прямо противоположная точка зрения состоит в том, что современные тенденции, основанные на идеях коммуникативной свободы, открытости, отсутствия цензуры, демонстрируют усиление творческого, личностного начала в языке и воспринимаются как преднамеренное нарушение нормы, направленное на актуализацию экспрессивности речи для достижения определенной цели либо на подчеркивание раскрепощенности и предельной правдивости в изображении людей и событий (Guseynov, 1989: 65).

Полагаем, что в настоящее время назрела необходимость объективно оценить некоторые результаты данного процесса и описать их. Актуальность заявленной темы обусловлена необходимостью серьезного изучения данного лингвотоксичного явления, нарушающего экологию русского языка, и поиска эффективных путей нивелирования речевой вульгаризации в обществе.

Эксперимент

Вульгаризация речи стала объектом лингвистических исследований сравнительно недавно, в конце XX столетия, в связи с усилением вни-

мания к коммуникативным процессам, происходящим в современном обществе. Несмотря на большое количество научных, психологических, педагогических, лингвистических работ по данной теме, долгое время не имелось устоявшейся терминологии в данной сфере исследований. Обычно описываемые явления рассматривались в связи с засорением, загрязнением языка и речи или описывались как средства, нарушающие чистоту речи (Samsonova, 2006: 110-112). Параллельно с термином «вульгаризация» применялись термины «огрубление», «жаргонизация» и др., которые не могли выступать абсолютными синонимами, так как передавали разную степень остроты проблемы. В настоящее время лексема «вульгаризация» получила свое точное терминование: «вульгаризация – такое использование стилистически сниженной и нелитературной лексики (жаргонизмов, арготизмов, просторечных слов), а также слов с негативной эмоционально-экспрессивной окраской, которое не может быть оправдано контекстом или ситуацией высказывания и представляется неэстетичным или нарушающим этико-речевую норму» (Ivanov, 2011: 36).

Действительно, в настоящее время круг устойчивых языковых средств, накопленных в русле предшествовавшей традиции, оказался разомкнутым. Сняты многие ограничения: жанровые, стилистические, идеологические, этические, и уже ничто не препятствует проникновению просторечной, жаргонной и даже об сценной лексики в литературный кодифицированный язык. Вульгаризация речи отмечается как устойчивая тенденция современной русской речевой практики, она ярко проявляется как в разговорно-бытовой речи, так и в политической риторике, публицистических и художественных текстах. При этом регулярность употребления ненормативной лексики, ее «тиражирование» в СМИ, художественных произведениях делает ее привычной адресату и способствует закреплению в повседневном общении. Приходится признать, что степень остроты данной проблемы достигла такого накала, когда уже невозможно говорить о простом огрублении и жаргонизации речи. Вульгаризация речи стала лингвотоксичным явлением, которое наносит вред, «с одной стороны, языку как коммуникативной системе, а с другой стороны – языковому сознанию носителей этого языка вплоть до трансформации их картины мира» (Skovorodnikov, 2017: 122).

Просторечная лексика, грубые негативные слова все чаще звучат из уст рядовых носителей

русского языка: вместо *голова болит* мы предпочитаем говорить *башка трещит*, слово *спать* заменяем на *дрыхнуть*, *пришел* – на *припёрся*, *не кричи* – на *не ори*, *убить* – на *замочить*, *грабить* – на *бомбить*, *отказаться* – на *бортануть*. Сленгизмы с положительными оценочными оттенками *круто*, *клево*, *офигенно*, *тащусь*, *в отпаде* стали нормой речи не только молодых людей, но и их родителей, и даже бабушек и дедушек.

Русскому человеку стали хорошо знакомы воровские и блатные слова: *крыша* (защита), *кинуть* (обмануть), *лох* (жертва), *ксива* (документ), *косяк* (оплошность), *кайф* (хорошо). Пришедшие из уголовного жаргона, в настоящее время они закрепились в языке как разговорные, что позволяет использовать их в качестве литературных в разных семантических модификациях: «По словам Касимова, на дорогах творится таможенный *беспредел*»; «Невыполнение международных соглашений ведет к межгосударственным *разборкам*»; «Государство *кинуло* своих граждан. Я понимаю, что это, может быть, не интеллигентный термин, но точный»; «Дети России стали *качать права*! И это – главное...»; «Похоже, что зрители на концертах Задорнова *ловили* настоящий *кайф*»; «Не *сидеть на игле* и не просить все время кредиты – это вы можете»; «Когда я училась в школе, был такой прием *опускать* учеников: напоминать им, что Аркадий Гайдар в пятнадцать лет командовал полком». Активность данного процесса демонстрирует и тот факт, что дефиниции ряда словарей закрепляют подобную лексику в узуальном употреблении и показывают варианты семантизации жаргонизмов и арготизмов, таких как *крутой*, *беспредел*, *замочить*, *разобраться*, *разборка*, *кинуть*, *наезжать*, *опустить*, *качать права*, *ловить кайф*, *ставить на счетчик*, *прикид* и др.

Диапазон мнений специалистов о причинах, породивших оживление подобной лексики в современном дискурсе, довольно широк, но в целом он сводится к двум основным объяснениям: с одной стороны, это влияние экстралингвистических причин, а с другой – действие лингвистических факторов, активизировавших в современном коммуникативном пространстве данные группы слов. К лингвистическим факторам относят, например, повышенную экспрессивность жаргонизмов и арготизмов. Так, ученые отмечают, что в составе словаря воровского аргота до 70 % экспрессивно-эмоциональных слов, что позволяет считать одной из главных функций этих слов экспрессивно-выразительную (Bondaletov, 1987: 136). В связи с этим некоторые ученые

предлагают рассматривать процесс вульгаризации языка как специфичную реакцию на существующую ранее стандартизованность, безличность, официальность, слабую эмоциональность риторики советского времени. Нередки и высказывания лингвистов, относящих арготизмы и жаргонизмы чуть ли не к средствам «антиталитарного языка» и «механизмам языковой самообороны», в которых делается акцент на идеологический момент, связанный с противостоянием государственной власти и тоталитарным принципам (Bondaletov, 1987: 142). Однако мы глубоко убеждены, что язык «деклассированных» элементов общества, чем, по сути, и является уголовная лексика, не может принести в общество пользы и выразительности ни при каких обстоятельствах. Объяснений этому много: арготизмы, возникая в уголовном мире, вместе с формой и содержанием лексической единицы несут и преступные принципы в общество; воровской закон прописывает возможность унижения и оскорбления любого человека, поэтому большинство арготизмов можно использовать как грубые ругательства; в картине уголовного мира присутствует неуважение к людям других национальностей и неприятие любой власти, что не может не отражаться на семантическом уровне и не нести речевой агрессии в современное коммуникативное пространство (Scherbakova, 1998: 112-114).

Исследуя вопросы вульгаризации речи в современном коммуникативном пространстве, приходится, прежде всего, говорить о языке СМИ. Именно язык средств массовой информации выступает источником большого количества видов и форм вульгаризации речи, при том что в настоящее время этот язык нередко представляется в сознании массового носителя русского языка в качестве авторитетной нормы, которая, войдя в широкий коммуникационный оборот, становится узуальной и обретает статус факта языка (Milehina, 2016: 38-45). Люди очень часто в повседневной речи ориентируются не на образцы художественной классики, а на газетный и телевизионный язык, который создают в прессе журналисты, тексты которых приближены к обиходной речи. Действительно, современный язык СМИ дает множество примеров вульгаризации языка: «Что сильнее в нынешнем переходном обществе: российский *«пофигизм»* (если не сказать грубее) или стремление к цивилизованной человеческой жизни?»; «Оценить напрямую долю финансирования номенклатурной *халявы* в бюджете здравоохранения затруднительно»;

«Вместо помощи пионера столичного строительства опустили на колени, а затем и вовсе постарались *опустить ниже плинтуса*»; «На федеральном же уровне депутаты *мочат друг друга почем зря*».

Образцы вульгаризации речи мы можем увидеть в выступлениях многих политиков, журналистов, артистов. Например, хорошо известен стиль общения В.В. Жириновского, который широко использует в публичной речи инвективы-оскорбления: «*Вон отсюда! Уймись, подонок! Пошел вон, американский шпион, израильская собака, тварь!*» (из телевизионной передачи). Агрессивное содержание, насилие, грубость поведения, жестокость тем, предлагаемых для обсуждения в СМИ – все это не может не влиять на выбор речевых средств и формирование речевой ситуации. В результате вульгаризация становится постоянным элементом речевой практики участников коммуникативного процесса. Примеры вульгаризации речи предоставляют многие российские телепередачи, такие как «Ты не поверишь!», «Программа-максимум», «Русские скандалы», «Профессия-репортер», «К барьеру!», «Горькая правда», «Русский шансон», «Прямой эфир», «Мужское и Женское» и др.

Данный процесс ярко может быть проиллюстрирован и примерами заглавий массовых изданий, в которых процесс вульгаризации речи представлен в полной мере. Излюбленным приемом привлечения внимания адресата в СМИ стало использование в заглавиях ненормативной лексики и арготизмов. Отметим, что заглавие признается сильной риторической позицией и играет очень важную роль для понимания общего смысла. Применяя такие слова и выражения в заглавии, автор мобилизует адресата на активное декодирование предложенной информации и ее интерпретацию в предложенном ключе, а также сразу сигнализирует о качестве и принципах того языкового пространства, в которое он вводит читателя: «*Дикий фраер*», «*Катала*», «*Привет, уркаганы*», «*Бомба для братьвы*», «*Большие бабки*», «*Леди стерва*», «*За базар ответим*» и др.

Особое место в процессе вульгаризации речи занимает обценная лексика. В русском языке, как и в других языках, имеется громадный арсенал бранной лексики. Русские люди оскорбляют друг друга словами не только в прямом значении (*дурак, подлец, мерзавец*), но и в переносном посредством метафоры и метонимии (*змея, корова, телка, собака, козел, идиот, кретин,*

шизофреник, тряпка, швабра и т.п.). Но, как показывают наблюдения, такое «цензурное сквернословие» зачастую не передает всего богатства эмоций русского человека, и тогда он применяет в речи нецензурную лексику. Считается, что такое речевое поведение в ситуации конфликта, коммуникативной неудачи во все века сопровождало русского человека. Не вдаваясь в подробный анализ подобного тезиса, отметим, что раньше такое поведение всегда считалось неприличным и безнравственным. Сегодня же слова и выражения, считавшиеся ранее непечатными, нецензурными, признаются пристойными и приемлемыми в общении. Такая лексика свободно существует в театральных, телевизионных постановках и фильмах, на страницах художественных и публицистических произведений. При этом отношение к подобного рода явлениям весьма толерантное. Употребление обценной лексики расценивается как свобода слова, как возможность «говорить то, что хочешь». Более того, считавшаяся ранее запретной брань укрепляется в общественном сознании как атрибут свободы от старых социалистических догм и духовной раскрепощенности. В настоящее время известные деятели искусства и культуры не только считают естественным использование обценной лексики в повседневном и профессиональном общении, но и обуславливают своим авторитетом усиление значимости подобных слов. В качестве примера, ярко отражающего подобную тенденцию, приведем только одно высказывание популярного режиссера Р. Виктюка, который объясняет увлечение матом не бытовыми проблемами, а своим духовным ростом: «Для культурного человека мат – это нормально. Мат – это естественная форма речи. Не материться – какая-то советская стыдливость» (Vasilev, 2000: 122). Употребление мата в художественном тексте литератор Ю. Алешковский рассматривает как средство соблюдения принципов реализма, вне связи с принципами морали, в связи с чем говорит о полезности издания словарей «таких слов и выражений». Кроме этого, анализ литературы по теме статьи показывает, что выдвинут еще один признак в качестве достоинств подобной лексики – это «непечатность языковой продукции», включающей обценную лексику, которая «вызывает необходимый для свободного общения градус доверия» (Guseynov, 1989: 69). Как видим, автор считает, что именно в непечатной продукции присутствует так необходимая современному читателю откровенность и правдивость.

При этом памятники русской письменности содержат сведения о том, что борьба с бранными словами велась на Руси еще в очень далекие от нас века. Матерное слово рассматривалось как черта бесовского поведения во времена борьбы с язычеством, когда «жидовское слово» (бранное слово) воспринималось как слово, противопоставленное православию. В эпоху просвещения критерии русской речевой коммуникации также соответствовали принципам христианской морали и образованного, цивилизованного общества, выставившего запрет на бранную, грубую лексику (Uspenskiy, 1996: 87). Сейчас же понятия пристойности, приличия слова старательно и настойчиво вытесняются из системы этических констант общественного сознания.

Анализируя процесс вульгаризации, Ю.А. Бельчиков приходит к выводу, что необходимо различать демократизацию литературного языка и вульгаризацию литературной речи. Ученый считает, что демократизация – это «благотворный и плодотворный для литературно-языковой эволюции процесс, «привитый» Пушкиным и «закрепленный» писателями пушкинской школы, он является залогом неразрывных связей русского литературного языка с демократическими традициями многовековой культуры народа» (Belchikov, 2004).

Идеи Ю.А. Бельчикова созвучны мыслям В.В. Виноградова, который считает, что «открывая шлюзы литературы для простонародного языка, просторечия и устной словесности, Пушкин осуществлял тщательный отбор речевого материала, принимая только те элементы «вне-литературной» речи, которые могли рассчитывать на общенациональную значимость» (Vinoogradov, 2000: 115).

Как видим, процесс демократизации, как и процесс вульгаризации, предполагает включение в литературный язык единиц некодифицированной речи, однако это включение основано на их умелом сочетании с традиционными кодифицированными средствами языка, уместности, естественности использования, стилистической необходимости и ориентированности на нормы общения в социально культурной среде. При этом, как указывают многие ученые, проходит длительный этап закрепления, адаптации таких языковых средств путем многократного погружения подобных нелитературных элементов в традиционные прецедентные тексты, в результате чего происходит «принятие» или «отторжение» литературным языком новых для него речевых элементов. Они, как говорил

В.В. Виноградов, «семантически обслаиваются» в контекстах литературного языка, сохраняя при этом «свежесть» экспрессии народной речи, ее красочность, самобытность подхода к явлениям жизни, обозначенным данным словом (Vinoogradov, 2000: 117).

Демократизация русского литературного языка проявляется, прежде всего, в приросте средств выражения мысли, связанном с расширением сферы непринужденного, чаще эмоционального, общения, что приводит к значительному возрастанию числа экспрессивно окрашенных лексических единиц, грамматических форм, синтаксических конструкций разговорного характера, которые выражают личностное начало, подчеркивают собственное мнение автора высказывания. В результате процесса демократизации литературного языка в языковой системе закрепились, например, такие лексические единицы, как *шумиха*, *свистопляска*, *двурушник*, *напарник*, *классно*, *заложить за галстук*, *стиляга*, *чернуха*.

Под вульгаризацией же речи понимается такое использование нелитературных и стилистически сниженных языковых единиц, которое не может быть оправдано контекстом или коммуникативной ситуацией. Более того, процесс вульгаризации представляет собой нарушение всяческих этико-речевых норм русского речевого общения.

Отметим, что в истории русского языка имеются прецеденты, связанные с элементами вульгаризации речи, и это неудивительно, потому что любой литературный язык проходит этапы, отражающие общее огрубление языка. Среди носителей русского языка всегда имелись группы людей, нацеленные на применение некодифицированной лексики в бытовом общении, и группы людей, выступающие за чистоту речи. Проиллюстрируем введение стилистически сниженного слова в текст произведения «Фрегат «Паллада»» И.А. Гончаровым: «Назначено было *отвалить* нам от фрегата в одиннадцать часов утра. Но известно, что час и назначают затем, чтобы только знать, на сколько приехать позже назначенного времени – так заведено в хорошем обществе. И мы, как люди хорошего общества, *отвалили* в половине первого. Вы улыбаетесь при слове *отваливать*: в хорошем обществе оно не в ходу; но у нас здесь *отваливай* – фешенебельное слово».

Однако в настоящее время процессы жаргонизации и вульгаризации языка заняли доминирующие позиции в русском устном и пись-

менном общении, что, безусловно, не может не волновать общественность и людей, занимающихся языком профессионально. Причем огрубление, вульгаризация языка приводит постепенно к поведенческим изменениям, таким как агрессивность, цинизм, негативизм, что не может не влиять на формирование личности в целом.

Результаты и обсуждение

Современная речевая практика, являясь отражением кардинальных изменений во всех сферах общественной жизни, отличается особой сложностью и противоречивостью, связанной с качественными трансформациями, вызванными появлением нового соотношения между пристойным и непристойным, этичным и неэтичным, нормированным и ненормированным, литературным и нелитературным.

Русская речь нового времени вбирает в себя самые разнообразные формы речи и отражает речевые приоритеты разнородных социальных групп, что приводит к сосуществованию и взаимодействию языковых средств, тяготеющих к полярным стилистическим полюсам, к смешению различных подсистем языка и чрезвычайному динамизму процессов.

Одним из таких речевых приоритетов следует признать вульгаризацию речи, социо-психологические последствия которой еще не изучены в полной мере, но несомненно значительны. Вульгаризация выражается в снижении планки литературного языка, детабуизации ненормативной лексики и внедрении разговорной стихии и субстандарта в коммуникативное пространство. Литературный кодифицированный язык становится неинтересен для рядового носителя русского языка, и вульгаризация речи начинает доминировать в современном обществе, в связи с чем ярко проявляется стремление к использованию нелитературной лексики практически во всех областях языковой деятельности.

Языковое окружение современного человека включает разнообразные формы вульгаризации, такие как просторечные слова и выражения, обценнизмы, грубые жаргонизмы, арготизмы, инвективы, применение которых представляется ему неизбежным и нередко обязательным для успешной коммуникации процессом, формирующим определенный имидж сильного, успешного, свободного и раскрепощенного человека.

Эта новая тенденция оказалась настолько сильной и устойчивой, что лингвисты называ-

ют ее лингвотоксичной, губительной, разрушительной. Токсичность вульгаризации объясняется тем, что она демонстрирует агрессивность и пренебрежение морально-нравственными нормами. При этом трудно рассматривать процесс вульгаризации как проявление свободы слова и самовыражения. В этом лингвистическом явлении отзеркаливаются многочисленные негативные процессы, происходящие в современном обществе, и вместе с тем сам процесс вульгаризации речи стимулирует цинизм и огрубление, способствуя изменению сознания как отдельного человека, так и общества в целом.

Бесспорным является тот факт, что одним из способов нивелирования такого лингвотоксичного явления, как вульгаризация речи, должно стать «формирование здорового отвращения к нему, прежде всего в образовании и средствах массовой информации» (Skovorodnikov, 2017: 123). Однако в современной ситуации двойных стандартов, когда, с одной стороны, провозглашается необходимость борьбы за чистоту речи на всех образовательных уровнях, а с другой, отмечается повышение толерантности к арготической и обценной лексике, отражающей этические представления политиков, журналистов, известных деятелей искусства и культуры, что, соответственно, подтверждает и повышает социальный статус подобной лексики в глазах обычных носителей русского языка, говорить о формировании «здорового отвращения» практически невозможно. Происходит адаптация человека к речевому лингвотоксичному окружению в связи с регулярным и настойчивым легитимированием нелитературной лексики в текстах, постановках, передачах; снижение степени владения нормами русского литературного языка; закрепление небрежного отношения к речевому поведению в бытовом, семейном общении и даже в деловой коммуникации. На таком фоне нарушения экологического баланса русского языка носители традиционной литературно-языковой нормы ощущают определенный дискомфорт и испытывают чувство гнева и беспомощности в ответных реакциях.

Заключение

Таким образом, процесс вульгаризации, проявляющийся в агрессивном вторжении нелитературной лексики в тезаурус современной языковой личности, – одна из характерных особенностей современного социолингвистиче-

ского пространства. Обращение к современной речи в разных формах ее бытования убеждает в справедливости следующего утверждения: «Без специальных усилий напряженность разрешается чаще всего в агрессивный речевой акт, тогда как нейтрализация ситуации предполагает вза-

имное приспособление. Чтобы ненасилие стало составной частью менталитета, а толерантность как состояние возобладала над агрессивностью, необходима серьезная психологическая работа и длительный период активного обучения и воспитания» (Курпина, 2002: 24).

Литература

- Русский язык конца XX столетия (1985-1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 473 с.
- Скляревская Г.Н. Русский язык конца XX века: версия лексикографического описания //Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996.– С. 463-473.
- Скляревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. – Сеул, 2001. – № 6. – С. 177-202.
- Сковородников А.П. Копнина Г.А. Лингвотоксичные явления в речи и языке // Мир русского слова. – 2017. – №3.
- Гусейнов Г.Ч. Ложь как состояние сознания // Вопросы философии. –1989. – № 11. – С. 64-76.
- Самсонова Л.М. Засорение русского языка // Наука и образование. – 2006. – № 3. – С. 109-113.
- Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – 3-е изд. стер. – М.: Флинта, 2011. – 840 с.
- Бондалетов В.Д. Социальная лингвистика. – М.: Просвещение, 1987.– 160 с.
- Щербак О.И. Об основных функциях языка уголовной среды // Язык и социум. Ч. I. – Минск, 1998. – С. 112-114.
- Милехина Т.А. Тенденции огрубления телевизионной речи в общественно-политических ток-шоу // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, 2016. – Вып. 16. – С. 35-48.
- Васильев А.Д. Слово в телэфире: Очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении. – Красноярск, 2000. – 224 с.
- Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. II. Язык и культура. – М., 1996. – С. 67-161.
- Бельчиков Ю.А. О роли СМИ в процессе демократизации русского литературного языка. //Вестник электронных и печатных СМИ. – 2004. – № 13. //URL: <http://www.ipk.ru>.
- Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. – М.: Academia, 2000. – 457 с.
- Курпина Н.А., Михайлова О.А. Лингвистические проблемы толерантности // Мир русского слова. – 2002. – № 5.

References

- Belchikov Yu.A. (2004). O roli SMI v protsesse demokratizatsii russkogo literaturnogo yazyika. [On the role of media in the democratization process of the Russian literary language]. Vestnik elektronnyih i pechatnyih SMI. No. 13. // URL: <http://www.ipk.ru>. (In Russian)
- Bondaletov V.D. (1987). Sotsialnaya lingvistika. [Social linguistics]. M.: Prosveschenie, 160 p. (In Russian)
- Guseynov G.Ch. (1989). Lozh kak sostoyanie soznaniya. [Lie as a state of consciousness]. Voprosy filosofii. No. 11. Pp. 64-76. (In Russian)
- Ivanov L.Yu., Skovorodnikov A.P., Shiryayev E.N. i dr. (2011). Kultura russkoy rechi. Entsiklopedicheskiy slovar-spravochnik. [Encyclopedic dictionary-reference].M.: Flinta, 840 p. (In Russian)
- Kupina N.A., Mihaylova O.A. (2002). Lingvisticheskie problemyi tolerantnosti. [Linguistic problems of tolerance]. Mir russkogo slova. No. 5. (In Russian)
- Milehina T.A. (2016). Tendentsii ogrubleniya televizionnoy rechi v obschestvenno-politicheskikh tok-shou. [Tendencies of coarsening of television speech in socio-political talk shows]. Problemyi rechevoy kommunikatsii: mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov. Vyip. 16. Pp. 35-48. (In Russian)
- Samsonova L.M. (2006). Zasorenie russkogo yazyika. [Clogging of the Russian language]. Nauka i obrazovanie. No. 3. Pp. 109-113. (In Russian)
- Scherbakova O.I. (1998). Ob osnovnyih funktsiyah yazyika ugolovnoy sredy. [On the main functions of the language of the criminal environment]. Yazyik i sotsium. Ch. I. Minsk, Pp. 112-114. (In Russian)
- Sklyarevskaya G.N. (1996). Russkiy yazyik kontsa 20 veka: versiya leksikograficheskogo opisaniya. [Russian language of the end of 20 century: version of lexicographical description]. Slovar. Grammatika. Tekst. M., Pp. 463-473. (In Russian)

Sklyarevskaya G.N. (2001). Slovo v menyayuschemysya mire: russkiy yazyk nachala XXI stoletiya: sostoyanie, problemy, perspektivy. [Word in a changing world: Russian language of the beginning of XXI century: state, problems, prospects]. Issledovaniya po slavyanskim yazykam. Seul. No. 6. Pp. 177-202. (In Russian)

Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. (2017). Ligvotoksichnyie yavleniya v rechi i yazyike. [Kopnina Legotkina phenomena in speech and language]. Mir russkogo slova. No.3. (In Russian)

Uspenskiy B.A. (1996). Mifologicheskiy aspekt russkoy ekspressivnoy frazeologii. [Mythological aspect of Russian expressive phraseology]. Uspenskiy B.A. Izbrannyye trudy. T. II. Yazyk i kultura. M., Pp. 67-161. (In Russian)

Vasilev A.D. (2000). Slovo v teleefire: Ocherki noveyshego slovoupotrebleniya v rossiyskom televeschani. [Word on television: Essays on the latest word consumption in Russian television]. Krasnoyarsk, 224 p. (In Russian)

Vinogradov V.V. (2000). Yazyk Pushkina: Pushkin i istoriya russkogo literaturnogo yazyika. [The Language of Pushkin: Pushkin and the history of the Russian literary language]. M.: Academia, 457 p. (In Russian)

Zemskaya E.A. (2000). Russkiy yazyk kontsa 20 stoletiya (1985-1995). [Russian language of the end of 20 century (1985-1995)]. M.: Yazyiki russkoy kulturyi, 473 p. (In Russian)